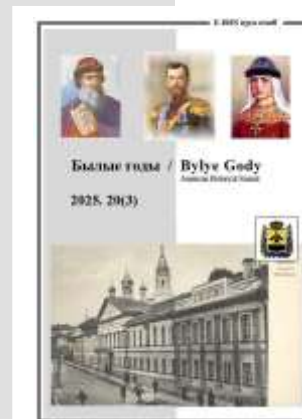

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1213-1226
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1213

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Contradictions between Russian Imperial Legislation and Real Practices of the Orenburg Authorities in the Matter of Return of Runaway Slaves to Their Nomad Owners in the 1820s

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^aCherkas Global University, Houston, USA

^bVolgograd State University, Russian Federation

Abstract

In the first half of the 19th century a specific practice developed in the Orenburg borderland. According to it, foreign slaves (we use this term to designate slaves who weren't Russian Empire's subjects) were to be granted freedom as well as a choice whether to return home or convert to Orthodoxy and become Russian subjects. However, in the materials of the Joint State Archive of Orenburg Region we have found several deviations from this practice. Based on microhistorical analysis of these cases we will attempt to reconstruct the logic of Russian officials, which would allow us to understand the nuances of their attitude towards Central Asian slavery and everyday life of the Orenburg borderland.

In 2 chronologically earliest cases the runaway slaves were asked to be returned by influential and loyal to Russia nomad rulers. In connection to this, Orenburg Border Commission analyzed imperial legislation and found out that it permits unconditional emancipation only to those foreign slaves who were captured by their owners. Runaway foreign slaves who were bought by their owners were to be returned to them if they didn't convert to Orthodoxy and become Russian subjects. Later 2 other slaves bought by their owners were declined emancipation precisely on this basis.

Furthermore, it turned out that the legislative act to which Orenburg authorities previously referred to while freeing slaves (the Collegium of Foreign Affairs decree of 26th February 1752) did not only become outdated, but contains an opposite directive – to return runaway slaves to their masters. At the same time, there is no reason to suspect willful falsification. Apparently, Central Asian slavery was stigmatized in the eyes of Orenburg officials by 1820s, and it simply didn't occur to them that the Russian Empire could've acted as its accomplice. In favor of this speaks the fact that Orenburg Border Commission eventually freed 2 of the slaves whom we mentioned earlier (1 on the grounds of converting to Orthodoxy and becoming Russian subject, and 1 on the grounds of his owner emancipating him). The fate of 2 more slaves is not established, but it appears that Orenburg Border Commission spoke in favor of their emancipation. The only one Russian official who took concrete position in accordance with the law, even if it went in conflict with abolitionist values, was the Orenburg military governor P.K. Essen – who, however, had decisive influence on the matter.

Keywords: slavery, legislation on slavery, Russian Empire, Central Asia, legal contradictions, P.K. Essen.

1. Введение

В одной из своих предыдущих статей мы рассматривали феномен иностранных, преимущественно принадлежащих к иранскому миру, рабов¹, бежавших в пределы Российской

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPerettko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

¹ Под «иностранными рабами» здесь и далее мы будем понимать рабов, не имевших подданства Российской империи.

империи из Центральной Азии в первой половине XIX в. (Peretyatko, 2024: 1586–1597). Мы пришли к выводу, что, хотя российские чиновники в целом относились к этой категории людей достаточно равнодушно и до 1851 г. специально не занимались их освобождением, сумевшие самостоятельно выбраться в Россию иностранные рабы могли рассчитывать не только на официальное получение свободы, но и на отправку на родину через Астрахань за казённый счёт (Peretyatko, 2024: 1595). Дальнейшее изучение конкретных историй подобных рабов в целом подтвердило сделанный нами вывод, однако мы столкнулись с несколькими случаями, когда оренбургские власти оказывались в более сложной ситуации: например, выяснялось, что беглый раб-иностранец принадлежит влиятельному степному правителю, лояльному Российской империи, и претендующему на его возвращение. Как нам представляется, анализ этих случаев принципиально важен для понимания отношения российских чиновников первой половины XIX в. к рабству в Центральной Азии как таковому, а не только к тем случаям, когда в рабстве оказывались российские подданные. Подобному анализу и посвящена наша статья.

2. Материалы и методы

Основу для нашего исследования составят хранящиеся в Объединённом государственном архиве Оренбургской области (ОГАОО) (Оренбург, Российская Федерация) материалы о судьбе тех иностранных рабов, бежавших в пределы Российской империи из Центральной Азии в первой половине XIX в., которые не были сразу освобождены. Нам удалось выявить всего 4 подобных рабов, причём материалы о них оказались в одном деле (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159). Переписка о них относится ко второй половине 1820-х гг., и, возможно, в дальнейшем тоже были подобные случаи, однако в 1829 г. Оренбургская пограничная комиссия получила право «Казылбашей отправлять в их отечество» без получения предварительного разрешения оренбургского военного губернатора (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 177-177об.). Соответственно, с этого времени возвращение на родину иностранных рабов, бежавших в Россию из Центральной Азии, сопровождалось меньшим объёмом бюрократической переписки и фиксируется в архивных документах заметно слабее.

Рассматривая, вслед за К. Гинзбургом, социальную конфигурацию общества как «результат взаимодействия бесчисленных индивидуальных стратегий: плотное переплетение, восстановить которое под силу лишь приближенному наблюдению» (Гинзбург, 2004: 312), мы попытаемся на микроисторическом уровне восстановить ход событий, связанных с обсуждением статуса каждого из 4 интересующих нас рабов. Соотнеся их случаи с общим контекстом, мы уясним как правовую основу, на которой происходило регулирование статуса иностранных рабов, бежавших в пределы Российской империи из Центральной Азии, так и отношение российских чиновников к этим рабам, – которое, на самом деле, окажется даже важнее формальных законоположений.

3. Обсуждение

Большая часть исследований, посвящённых рабству в XIX в. в Центральной Азии, уделяет основное внимание подданным Российской империи, захваченным в рабство кочевниками. Е.К. Созина даже обосновывает существование специфического «дискурса “степных пленников”» в русской литературе (Созина, 2016: 6-15). Исследования же о рабах-мусульманах в Центральной Азии как правило касаются ситуации с ними в Бухаре (Исмаилова, 1973: 20-30) и Хиве (Tadjieva, 2023: 53-62; Tojjeva, 2020: 211-214). Проблематика, связанная с пребыванием рабов-мусульман у кочевых народов, а тем более с их бегством в Россию и дальнейшим освобождением, остаётся почти не разработанной.

4. Результаты

4.1. Спор о судьбе Рамазана Бай Худайдатова и Мубарис-хана Мир-Мухаметева

Летом 1825 г. в Троицкую крепость из киргизской¹ степи убежал Рамазан Бай Худайдамов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 28). Его история не представляла собой ничего необычного для беглых рабов из Центральной Азии: уроженец города Кабула, пять лет назад, пася скот, он был захвачен «Трухменскими ворами», продан ими киргизцам, но сумел бежать в пределы Российской империи (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 28-28об.). Явно желавший любым путём выбраться из рабства, Р. Бай Худайдамов просил отправить его с караваном в Бухару, чтобы оттуда вернуться в Кабул, но был готов и «остаться вечно в России с приисканием себе рода жизни», хотя на родине у него была семья (жена и маленький сын) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 28-28об.). Вероятно, в обычной ситуации оренбургские власти удовлетворили бы желание беглого раба, как они почти всегда поступали в подобных случаях.

¹ В большинстве случаев мы используем закавыченные оригинальные этнонимы из аутентичных документов («трухменцы», «бухарцы» и т. д.). Однако чаще всего в документах встречается этноним «киргизцы» и близкие к нему («киргизы», «киргиз-кайсаки» и т. д.). Чтобы не перегружать текст закавыченными словами, мы будем использовать этноним киргизцы как зонтичный для всех подобных. Обычно в российских документах под этими этнонимами подразумевались казахи.

Однако вскоре к коменданту Троицкой крепости явился некий Сарыбай, брат киргизского султана Мяття Мамет Галиева (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 280б.). Обратим внимание, что речь идёт не о рядовом кочевом правителе: Мадий Магомет-Галиев/Мати Мухамметгалиев достаточно известен в историографии как султан-правитель Средней части Младшего жуза в конце 1820-х гг. (Galimov et al., 2017: 472; Султангалиева, 2023: 271). С. Мамет Галиев заявил, что Р. Бай Худайдатов принадлежит их семье, бежал в прошлом месяце, и М. Мамет Галиев просит вернуть его обратно (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 280б.). Нам представляется очень важным, что реакция коменданта в документах описывается так: «Г. Петерсон, не разрешась сам собой отдать Султану одного Арапа, испрашивает в разрешение предписания» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 280б.). Таким образом, российский офицер не только не предпринял никаких мер против кочевника, открыто признавшегося во владении рабом, который не являлся подданным Российской империи, но и считал, что этого раба следует выдать обратно хозяину, хотя и не решился сделать этого сам. К сожалению, лапидарность документа не позволяет понять мотивации троцкого коменданта: он мог как считать, что Р. Бай Худайдатов следует вернуть обратно в рабство по закону, но не сделать этого по моральным соображениям, так и, напротив, полагать, что российские законы не регулируют сложившейся ситуации, а с прагматической точки зрения следует вернуть раба лояльному России влиятельному султану.

Тем же летом 1825 г. в Оренбургскую пограничную комиссию из Красногорской крепости прибыл Мубарис-хан Мир-Мухаметов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 51). Его история отличалась от истории Р. Бай Худайдатов только не принципиальными для нас деталями. Житель города Балха, он пять лет назад, во время осмотра скота, был захвачен «трухменцами», продан ими бухарцам, а бухарцами перепродан киргизскому Бию Ямгурче Санамасову и в итоге бежал в Россию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 51-510б.). М. Мир-Мухаметов, подобно Р. Бай Худайдатову, хотел вернуться на родину, правда, не через Бухару, а через Астрахань (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 6. н.).

19 июля 1825 г. сам Я. Санамасов явился в Оренбургскую пограничную комиссию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. без номера). Он совершенно прямо заявил, что купил сбежавшего у него раба в Бухаре, причём, что интересно, чётко обговорив, что в неволе последний будет 25 лет, а затем «непременно получит от услуг свободу» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. без номера). Это хорошо соотносится с утверждениями Е.В. Возгрин о том, что в мусульманских рабовладельческих практиках Черноморского региона в позднее Средневековье и Новое время работа раба «была сносной и, что важно, временной» (Возгрин, 2011: 98). Он даже утверждал, что «в Крыму существовал обычай отпускать пленников на волю через 5-6 лет подневольного труда» (Возгрин, 2011: 96). Действительно, согласно О.Д. Рустемову, в рамках судебных практик Крымского ханства было нормой, когда хозяин определял невольнику срок службы, после которого отпускал, а в случае неисполнения этого договора невольник имел право требовать освобождения через суд (Рустемов, 2022: 721-723). Судя по всему, схожие практики имели место и в Центральной Азии, и Я. Санамасов заключил с М. Мир-Мухаметовым подобный договор. Я. Санамасов особенно подчёркивал русским чиновникам, что относился к рабу хорошо и женил его на местной девушке, а причиной побега якобы стала именно ссора с женой (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. без номера). В итоге Я. Санамасов просил вернуть ему невольника «в уважение оказанных услуг покойным отцом его и самим им Российской стороне» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. без номера).

Таким образом, в 1825 г. Оренбургская пограничная комиссия столкнулась с принципиально новой для неё ситуацией. Двое явно влиятельных и лояльных России кочевых правителей, включая человека, который казался российским властям достаточно удобным и значимым, чтобы вскоре получить назначение султаном-правителем одной из частей Младшего жуза, просили вернуть им сбежавших рабов, которые не были подданными Российской империи. Нам известен только один более ранний случай, когда лояльный России кочевой правитель просил выдать ему беглого раба: в 1815 г. вернуть «слугу моего, персианина», который «сделал от меня утечку и теперь находится в Орской крепости» требовал старшина Т. Ауков (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 10б.-2). Однако тогда Т. Ауков просил также 300 руб. за спасение четырёх русских пленников из Бухары, причём оказалось, что никаких русских пленников он не освобождал, а за вывоз из Бухары 20 беглых татар собственноручно и был недавно возведён в старшины российскими властями (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 1-2, 5-6). Следовательно, в этом случае проситель был куда менее влиятелен, а его требования были как минимум странными. В итоге оренбургский губернатор Г.С. Волконский даже не стал рассматривать вопрос о возвращении Т. Аукову беглого раба, запросив у Оренбургской пограничной комиссии мнение только о том, следует ли выдать ему 300 руб. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 3-30б.).

Обратим внимание также на специфическую терминологию, используемую в разбираемых нами случаях российскими властями. Выше мы видели, что Т. Ауков назвал сбежавшего от него раба «службой». В случаях с Р. Бай Худайдатовым и М. Мир-Мухаметовым этот эвфемизм фактически легитимировала и Оренбургская пограничная комиссия. Она не называла Р. Бай Худайдатов и М. Мир-Мухаметова прямым текстом рабами или невольниками, зато приводила в косвенном пересказе речь людей, требовавших вернуть их. Речь С. Мамет Галиева выглядела так: «Он (Р. Бай Худайдатов – Прим. А.П.) куплен им (М. Мамет Галиевым – Прим. А.П.) у Киргизов и, находясь у него службой, минувшего месяца от него бежал» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 280б.). Я. Санамасов

просил «возвратить ему вышесказанного слугу его Мубариса» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 6. н.). Таким образом, в первоначальной интерпретации российских властей выходило, что вопрос может стоять не о возврате рабов хозяевам, но о возврате слуг их нанимателям.

Учитывая изложенное, Оренбургская пограничная комиссия оказалась в достаточно сложной, в том числе и с этической точки зрения, ситуации. С одной стороны, устоявшаяся практика предполагала, что иностранные беглецы от рабовладельцев Центральной Азии имеют право на свободу и отправку на родину. Оренбургские чиновники неоднократно живописали тяжесть центральноазиатского рабства, правда, в контексте попавших в него подданных Российской империи. Вот как, например, в 1839 г. будут описывать вернувшихся из Хивы русских пленников в статье, отправленной оренбургским губернатором В.А. Перовским в Министерство иностранных дел для дальнейшей публикации в прессе: «Нельзя было не пожалеть, что не было здесь художника, который передал бы потомству этих рыдающих перед Евангелием выходцев с того света» (Ermachkov, 2021: 31). С другой стороны, обычно практика освобождения иностранных беглецов от рабовладельцев Центральной Азии не встречала возражений ни с чьей стороны, а в данном случае вернуть им рабов требовали два влиятельных и лояльных России кочевых правителя. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Оренбургская пограничная комиссия не рискнула сама принимать решения, обратившись к оренбургскому военному губернатору П.К. Эсену и подготовив для него юридическую справку.

4.2. Высочайшие повеления от 19 октября 1781 г. и 23 августа 1798 г.

В рамках этой справки приводились два высочайших повеления – от Екатерины II уфимскому и симбирскому генерал-губернатору И.В. Якоби (19 октября 1781 г.) и от Павла I оренбургскому военному губернатору О.И. Игельstromу (23 августа 1798 г.) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 52-550б.). Данные повеления полностью противоречили друг другу не только содержательно, но и стилистически, и предлагали совершенно различную этику отношения к беглым рабам.

Наиболее подробно мы остановимся на высочайшем повелении Екатерины II И.В. Якоби от 19 октября 1781 г. Дело в том, что оно намного превосходит по объёму все остальные приводимые Оренбургской пограничной комиссией документы о том, как следует поступать с беглыми иностранными рабами, и значительно отличается от них содержательно. Есть в этом высочайшем повелении и ещё один интересный нюанс. В одной из своих предыдущих статей мы писали, что возврат иностранных рабов через Астрахань, согласно некоторым документам Оренбургской пограничной комиссии, был предписан указом Коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г. (Peretyatko, 2024: 1589). В одном из представлений Оренбургской пограничной комиссии, относящемся к 1813 г., даже приводилась следующая выдержка из этого указа: «Выбегающих от Киргизцов персиан, хивинцов, трухменцов и других им подобных народов, исключительно тех, кои пожелают креститься, отпускать в их отечество чрез Астрахань» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1022. Л. 10б.). Екатерина II также ссылалась на этот указ как на документ, регламентирующий политику по отношению к беглым рабам, однако утверждала, что им предписано *возвращать этих рабов хозяевам* (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 52-520б.).

В 1781 г. в Астрахань сумели сбежать четверо рабов-«персиан», не пожелавших принимать православие и попросивших вернуть их на родину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 52). При этом лично «Хан Киргискайсацкий» требовал возвратить их в рабство, однако местные власти испугались сделать это, поскольку новость о беглецах распространилась, и был риск, что за выдачу «персиан» обратно в рабство могут как-то отомстить российским подданным «в Персидской стороне» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 52-520б.). В итоге дело дошло до Коллегии иностранных дел, а потом и до императрицы (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 52). И в итоге лично Екатерина II приказала астраханскому губернатору, «чтобы он Персиан отпустил свободно по их желаниям, да и впредь с подобными выходцами поступал таким же образом, то есть давая им свободу в России ли селиться или же в отечество возвращаться» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 520б.-53).

Таким образом, ошибочной оказывается встречающаяся в документах Оренбургской пограничной комиссии ссылка на указ Коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г. как на документ, якобы предписывавший освобождать бежавших в Россию иностранных рабов и отправлять их на родину через Астрахань. Более того, далее мы убедимся, что и приведённая нами выше цитата из этого документа, встречающаяся в одном из представлений Оренбургской пограничной комиссии от 1813 г. («Выбегающих от Киргизцов персиан, хивинцов, трухменцов и других им подобных народов, исключительно тех, кои пожелают креститься, отпускать в их отечество чрез Астрахань») просто неверна. В действительности практика отправки беглых рабов на родину через Астрахань была узаконена только Екатериной II в 1781 г. Однако нам представляется очень показательным, что уже через 30 лет, в 1813 г., оренбургские чиновники были уверены, будто бы подобная практика была введена гораздо раньше, и, по-видимому, не помнили, что в 1752–1781 гг. правительственные указы напрямую предписывали возвращать беглых иностранных рабов из Центральной Азии их хозяевам/не допускать переход таких рабов через границу (о документе, предписывающем последнюю практику, мы будем писать ниже). Как нам представляется, к первой половине XIX в. в российском обществе центральноазиатское рабство вызывало исключительно негативные

ассоциации, и сама идея того, что Российская империя в какой-то период де-факто выступала его пособником, выдавая беглых рабов хозяевам либо отказываясь их принять, казалась неправдоподобной. В итоге правовые нормы, введенные Екатериной II, рассматривались как куда более старинные, и в более ранние документы «вчитывался» соответствующий смысл: мы считаем маловероятным, что в Оренбургской пограничной комиссии кто-то сознательно фальсифицировал цитату из указа Коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г., зато нам представляется более чем возможным, что старый рукописный текст был неверно прочитан, исходя из априорных представлений читающего о его содержании.

Собственно, и Екатерина II называла моральный фактор в числе причин, побудивших её принять решение об освобождении всех иностранных рабов, бежавших в Россию из Центральной Азии. Она формулировала это так: «Хотя б в прочем они, Киргискайсаки, и некоторое иждивение употребляли на приобретение невольников; но сих невольников продающие им люди суть разбойники, а невольники те в природе своей свободны были и грабителям их никак принадлежать не могли, потому несправедливо бы было и с природным Нашим человеколюбием несовместно, чтоб на здешних Границах, кои должны быть убежищем всякому утесненному от несчастья и от насильственного превозможения, вечно было соображаемым деянием, заслуживающим наказания» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 54-54об.). Невнятное завершение фразы может быть связано с тем, что оренбургские чиновники снова неверно расшифровали старый документ. Однако даже с учётом возможного искажения ясно, что Екатерина II однозначно акцентировала внимание на трёх факторах:

- 1) Кочевники владеют изначально свободными людьми, захваченными в рабство разбойниками;
- 2) Границы Российской империи должны служить защитой для всех несправедливо утеснённых;
- 3) Соответственно, самое «человеколюбие» требует давать свободу тем иностранным рабам, которые бежали из Центральной Азии в Россию.

Обратим также внимание на то, что, хотя слова «раб» для обозначения беглецов из Центральной Азии Екатерина II не использовала, но не использовала она для их обозначения и слова «слуга», встречающегося в документах Оренбургской пограничной комиссии, предпочитая более однозначное слово «невольник».

Екатерина II доводила до сведения И.В. Якоби, что ему, как и другим российским чиновникам, следует теперь давать беглым иностранным рабам из Центральной Азии выбор: или вернуться на родину, или остаться в России в свободном статусе, – но ни в коем случае не возвращать их хозяевам (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 53). Императрица заранее предполагала, что кочевники будут обращаться к российским чиновникам «по причине сего воспоследовавшего вновь повеления Нашего в отмену прежних определений» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 53-53об.). Поэтому чиновникам предлагался целый список ответов на будущие требования хозяев вернуть им беглых рабов, включая довольно анекдотические: например, предлагалось говорить кочевникам, что «потеря их невольников, со всем тем, однако ж, будет всегда малоценная, но счастье их, что они находятся в Нашем подданстве, ни с чем не сравнительно; коль скоро отнялась бы Наша их покровительствующая Десница, толь скоро подверглись бы они паки в прежнюю бедность и ничтожество» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 54об.). Тем не менее, общий подход Екатерины II был достаточно осторожен и рационален при определённом гуманизме. Императрица даже не поднимала вопроса об официальном освобождении иностранных рабов, находящихся в собственности у лояльных России кочевников, а принимать тех из них, кому удалось сбежать, предлагала по возможности «без разглашения» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 55-55об.). Однако при этом, как мы видели выше и считаем необходимым подчеркнуть ещё раз, она недвусмысленно требовала, чтобы российские чиновники принимали всех беглых иностранных рабов из Центральной Азии и ни при каких обстоятельствах не возвращали их хозяевам.

Как мы неоднократно упоминали выше, именно подобная практика стала нормой в первой половине XIX в. (Peretyatko, 2024: 1586-1597). О ситуации в 1780–1790-е гг. мы не располагаем пока достоверными архивными сведениями. Однако можно предположить, что решение Екатерины II было выполнено, и уже в то время бежавших в Россию иностранных рабов из Центральной Азии не возвращали хозяевам.

И это по каким-то причинам не устроило Павла I. К сожалению, в своём высочайшем повелении О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г. император не счёл нужным уточнять ни причины, побудившие его обратиться к ситуации с бегущими в Россию иностранными рабами, ни мотивацию своего решения. Он только «разрешал отдачу Киргискайсакам покупаемых ими Бухарцов, Персиян и Хивинцев, убегающих от рабства в пределы Империи Нашей, когда по отыскании доказано будет, что они подлинно куплены ими, Киргизкайсаками и греческого православного исповедания веры не приняли, те же, кои оное приняли или принять пожелают, всегда должны оставаться в Нашем подданстве» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 55об.). Интересно, что в данном случае в самом документе фигурирует слово «рабство», и Российская империя откровенно поддерживает его, соглашаясь возвращать хозяевам людей, выбегающих из рабства.

Строгое исполнение высочайшего повеления Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г. кардинально поменяло бы ситуацию с бежавшими в Россию из Центральной Азии иностранными рабами. Согласно его прямому содержанию, чтобы захваченный кочевниками свободный человек стал признаваться российскими властями рабом, было достаточно продать его новому хозяину, что и случилось с Р. Бай Худайдатовым и М. Мир-Мухаметевым. Таким образом, при строгом исполнении этого документа оренбургские власти были бы вынуждены возвращать хозяевам значительную часть иностранных беглых рабов, если только последние не принимали православие и не соглашались остаться в России.

Реально, однако, данное законоположение фактически игнорировалось оренбургскими чиновниками. До 1825 г. оно могло быть просто забыто, однако в этом году, как мы видим, Оренбургская пограничная комиссия привела важнейшую цитату из него в юридической справке, подготовленной для оренбургского губернатора П.К. Эссена. Точнее говоря, были сделаны даже две такие справки, почти идентичные между собой, содержащие цитаты из высочайшего повеления Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г. и подготовленные отдельно по делу Р. Бай Худайдадова (15 июля 1825 г.) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 28-32) и делу М. Мир-Мухаметева (30 июля 1825 г.) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 51-56). Однако и после подготовки этих справок реальная практика Оренбургской пограничной комиссии противоречила данному высочайшему повелению, и те иностранные рабы, которые признавали в своих показаниях, что были куплены кочевниками, обычно не принимали православия и российского подданства, но и не возвращались хозяевам, а отправлялись на родину.

Например, тем же летом 1825 г. в Верхнеозерную крепость выбежал «Персианин Алладат Мустафаев» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 60). Его история очень близка к историям Р. Бай Худайдадова и М. Мир-Мухаметева: три года назад, пася скот, он был захвачен «Трухменцами», продан ими хивинцам, а последними перепродан «находившемуся тогда в Хиве Киргизу Адаевского рода Сасынбаю Тюляберганову», от которого и бежал в Россию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 60-600б.). Таким образом, А. Мустафаев, подобно Р. Бай Худайдадову и М. Мир-Мухаметеву, признавал, что его текущий хозяин не захватил его сам, но купил у прошлого хозяина. Однако, если в случаях Р. Бай Худайдадова и М. Мир-Мухаметева хозяева требовали от российских властей вернуть им рабов, об аналогичном требовании С. Тюляберганова, хозяина А. Мустафаева, никаких сведений в документах нет. И Оренбургская пограничная комиссия в этих условиях даже не упоминала о возможности вернуть беглого раба хозяину, предложив 8 августа 1825 г. отправить его в Астрахань для возвращения оттуда на родину, как просил сам А. Мустафаев (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 60-600б.). Более того, комиссия предлагала выделить на его содержание в дороге 5 руб. казённых денег (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 600б.).

14 августа 1825 г. аналогичное решение Оренбургская пограничная комиссия приняла в отношении «Персианина Мамбетъ-алия Сабиралиева», первоначально захваченного «Трухменцами», проданного затем хивинцам и перепроданного в итоге «Киргизу Тлявкабацкого рода Беретяму Чалабаеву» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 64-640б.). 18 августа такое же решение было принято в отношении «персианина Хасана Нурмухаметева», тоже захваченного «Трухменцами», проданного затем бухарцам и перепроданного «Киргизу Тлявкабацкого рода Сейминурзе Тляпову» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 73-730б.). В случае последних двух рабов сохранились и резолюции оренбургского военного губернатора П.К. Эссена, утвердившего решения пограничной комиссии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 71, 74). В случае А. Мустафаева резолюция не сохранилась, но, вероятно, и его благополучно отправили в Астрахань.

Получается, что на практике оренбургские власти даже во второй половине 1820-х гг., когда им безусловно было известно высочайшее повеление Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г., продолжали выполнять более раннее и противоречащее ему высочайшее повеление Екатерины II И.В. Якоби от 19 октября 1781 г. Даже если выбежавший из Центральной Азии иностранный раб признавал, что текущий хозяин купил его, а не захватил, обычно он не терял права на возвращение на родину. Обходить закон, судя по всему, помогало то, что в подавляющем большинстве случаев сами кочевники считали: бегство раба в Россию уже делает его полностью свободным, и нет смысла пытаться вернуть невольника. Соответственно, раб освобождался в соответствии со специфической местной практикой правоприменения, с которой де-факто соглашались все стороны, а не в строгом соответствии с имперскими законами, сопрягающими освобождение части беглых рабов-иностранцев с принятием ими православия и российского подданства.

Однако как раз в случаях Р. Бай Худайдадова и М. Мир-Мухаметева влиятельные и лояльные России кочевые правители не согласились с существующей практикой всегда освобождать сбежавших в Россию рабов, и оказалось, что в рамках закона они имеют право требовать возврата своих невольников.

4.3. Решения оренбургских властей по делам Рамазана Бай Худайдадова и Мубарис-хана Мир-Мухаметева

П.К. Эссен в этой ситуации действовал предельно формально. Его резолюции по делам Р. Бай Худайдадова и М. Мир-Мухаметева были лаконичны. В первом случае суть резолюции сводилась к тому, что с беглым рабом следует поступить «на точном основании именного Высочайшего указа

23 Октября (ошибка П.К. Эссена, следует читать «Августа» – Прим. А.П.) 1798 года» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 43). Во втором случае оренбургский губернатор дополнительно уточнял, что «из приведенных в представлении Пограничной Ком<исс>ии именных Высочайших повелений касательно выбегающих от Киргизов купленных азиатцев, кои выходят на линию и изъявляют желание возвратиться в свое отечество, последнее, составленное в 23 день Августа 1798 года окончательно разрешает, каким образом поступать с людьми сего рода» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 59). Таким образом, П.К. Эссен принял решение вопреки сложившейся практике, но в соответствии с официальным имперским законодательством выдать иностранных рабов, сбежавших в Россию из Центральной Азии, их хозяевам, которые официально требовали такого возврата и при этом не захватили этих рабов лично, но купили их, причём сами эти рабы не приняли православия и российского подданства.

И это решение однозначно показывает, что для П.К. Эссена был совершенно не свойственен пафос борьбы с рабством, если только в рабстве оказывались не российские подданные. При этом другие российские офицеры и чиновники могли придерживаться иной позиции, вплоть до жёсткого аболиционизма. Согласно Р.Ю. Почекаеву, отношение российских офицеров и чиновников к рабству становилось всё более нетерпимым со временем, и, например, в 1859 г. руководитель одной из российских экспедиций в степь, В.Д. Дандевиль, даже вступил «в вооруженные столкновения с туркменами для освобождения персидских рабов» (Почекаев, 2019: 139).

Однако схожую позицию занимали некоторые российские офицеры уже в 1820-е гг. Так, в 1826 г. руководитель экспедиции в степь Ф.Ф. Берг (впоследствии генерал-фельдмаршал, генерал-губернатор Финляндии и наместник в Польше) сообщал П.К. Эссену, что во время этой экспедиции он нашёл невольника – «Персианина», купленного его хозяевами в Хиве (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 82). Ф.Ф. Берг не только освободил этого невольника, но и привёз его в Уральск, ссылаясь на существование некоего «Указа о возвращении таковых невольников чрез Астрахань в свое отечество на счет Оренбургской Пограничной Комиссии» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 82об.). Номера этого указа и его автора российский офицер, разумеется, не приводил. Таким образом, мы снова сталкиваемся с «вчитыванием» российскими чиновниками XIX в. в указы XVIII в. антирабовладельческих смыслов, которые в действительности в них отсутствовали. Так, Ф.Ф. Берг полагал, что российские власти должны не только переправлять на родину через Астрахань самостоятельно сбежавших в Россию из Центральной Азии иностранных рабов, но и специально освобождать их. Что касается судьбы спасённого Ф.Ф. Бергом раба, которого звали Карим Исмаилов, то, хотя он и признался, что текущий хозяин купил его, но Оренбургская пограничная комиссия всё равно отправила его в Астрахань для возвращения на родину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 99-102). В качестве любопытного казуса отметим, что Карим Исмаилов в России заболел, а также не имел своей одежды, и в итоге его лечение, содержание и покупка ему одежды обошлась российским властям в 100 руб. 81,5 коп. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 100-100об.).

Напротив, в случае П.К. Эссена до нас дошли утверждения отдельных авторов, будто бы этот оренбургский губернатор был достаточно лоялен к кочевникам и их практикам захвата людей в рабство. Оренбургский историк-любитель начала XX в., С.Н. Севастьянов, даже писал: «Основываясь на единогласном предании казаков об Эссене, можно предположить, что он распускал киргиз и мало ограждал от них прилинейных жителей, вероятно, исполняя только букву закона, который по его настояниям в силу изменения местных условий, мог бы излагаться в смысле более действенного охранения русского прилинейного элемента» (Севастьянов, 1999: 205). Едва ли казачьи предания были надёжным источником информации о оренбургском губернаторе, правившем задолго до того, как в 1863 г. родился С.Н. Севастьянов. Однако, как мы видим, С.Н. Севастьянов ставил в вину П.К. Эссену то, что последний «исполнял только букву закона», не адаптируя его к местным условиям. С подобной индивидуальной стратегией губернатора мы сталкиваемся и в нашем случае: П.К. Эссен приказал выполнять высочайшее повеление четвертьвековой давности, очевидно не соответствующее актуальным практикам оренбургского пограничья.

И в итоге де-факто нижестоящие чиновники изыскили способы не возвращать Р. Бай Худайдатова и М. Мир-Мухаметева хозяевам. С последним ситуация вообще разрешилась очень быстро. Как мы помним, высочайшее повеление Павла I О.И. Игельструму от 23 августа 1798 г. предписывало возвращать хозяевам только иностранных беглых рабов, пожелавших остаться в своей вере, а о принявших православие говорилось, что они «всегда должны оставаться в Нашем подданстве». 1 августа 1825 г. П.К. Эссен приказал Оренбургской пограничной комиссии поступить с М. Мир-Мухаметевым в соответствии с этим повелением (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 59). Получив соответствующее предписание, Оренбургская пограничная комиссия немедленно спросила беглого раба, «не желает ли он принять веру греческого исповедания», и, получив утвердительный ответ, уже 14 августа обратилась к П.К. Эссену за разрешением отправить М. Мир-Мухаметева в Астрахань для принятия крещения (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 63об.). 17 августа П.К. Эссен ответил согласием (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 71).

Гораздо интереснее развивались события вокруг Р. Бай Худайдатова, однако из-за краткости официальных документов мы можем только догадываться о мотивации участников этих событий.

Поступить с ним в соответствии с высочайшим повелением Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г. П.К. Эссен распорядился ещё 28 июля 1825 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 43). 11 августа 1825 г. Оренбургская пограничная комиссия отписала коменданту Троицкой крепости, где все ещё находился Р. Бай Худайдатов, приказав отдать беглого раба хозяину, если он не примет православия и не согласится перейти в подданство России (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 123об.-124). Вероятно, российские чиновники ожидали, что Р. Бай Худайдатов согласится на все эти условия, что позволит не выдавать его хозяину, оставаясь в рамках имперского законодательства.

Между тем из Троицкой крепости не было ответа до весны 1827 г. А в апреле 1827 г. лично М. Мамет Галиев, на этот момент уже и. о. султана-правителя Средней части Младшего жуза, «помянутому Арапу Байхудайдатову выдал письменный вид об увольнении его оным Султаном от рабства» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 124-124об.). Этот вид был передан в Оренбургскую пограничную комиссию, и она пересказала его следующим образом: «Бывший у него, Султана, в рабстве Арап Рамазан Байхудайдатов уволен им от рабства его для возвращения в его отечество или, по желанию его, остаться в России в числе Мухаметанского сословия» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 124об.-125). Обратим, кстати, внимание, что в новых документах, в отличие от документов 1825 г., уже совершенно ясно говорилось, что Р. Бай Худайдатов находится у М. Мамет Галиева в рабстве, без всяких эвфемизмов вроде именованя рабов «слугами».

23 августа 1827 г. сам Р. Бай Худайдатов прибыл в Оренбургскую пограничную комиссию и лично дал показания, однако они скорее запутывают, чем упрощают понимание его истории (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 125). Он утверждал, что до 1825 г. принадлежал вовсе не М. Мамет Галиеву, а кочующим с этим султаном «Бурюбаю и Тулькубаю» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 125об.). Более того, в Троицке Р. Бай Худайдатов, по его утверждению, вовсе не освободили, а передали в рабство новому хозяину, «Армянину Никите Гарасимову» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 126). Но тут ему пришли на помощь старые хозяева: «Киргизы Бурюбай и Тулькубай по просьбе его и во уважение верного и усердного его служения во время нахождения его у них, просили Султана Мятя выдать ему письменное уведомление, которое и выдано ему от того Султана» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 126об.).

Попытки объяснить все противоречия в информации вокруг Р. Бай Худайдатов уведут нас слишком далеко от темы данной статьи. Но представляется как минимум вероятным, что хозяева этого раба, М. Мамет Галиев или Бурюбай с Тулькубаем, поняли, что их невольник в любом случае получит свободу. И далее у них был выбор: или не давать ему формального освобождения, причём тогда Р. Бай Худайдатов принял бы православие и остался в России (напомним, он изначально был согласен «остаться вечно в России с приисканием себе рода жизни»), или это освобождение дать, и тогда Р. Бай Худайдатов мог остаться мусульманином и вернуться на родину. Для правоверных мусульманин второй вариант явно был предпочтительнее.

В любом случае, юридическая коллизия вокруг Р. Бай Худайдатов разрешилась. М. Мамет Галиев не просто больше не претендовал на него, но и даже сам выразил согласие на отправку бывшего раба на родину. И 12 сентября 1827 г. Оренбургская пограничная комиссия обратилась к П.К. Эсену с предложением «оного Арапа Байхудайдатов для возвращения в отечество согласно его желанию препроводить посредством кордонной стражи в Астраханское Губернское Правление» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 126об.). 4 октября последовало согласие (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 128).

Таким образом, развитие ситуации вокруг правового статуса Р. Бай Худайдатов и М. Мир-Мухаметева демонстрирует достаточно сложную и не подлежащую однозначной трактовке картину. Можно уверенно говорить только об одном: оренбургский военный губернатор П.К. Эссен, столкнувшись с тем, что влиятельные и лояльные России кочевые правители требуют выдать им беглых рабов, не являющихся подданными Российской империи, в своих действиях опирался не на моральную или аболиционистскую, а на формально-юридическую сторону дела. Соответственно, он был готов выдать беглых рабов назад хозяевам, раз это соответствовало российским законам.

Оренбургская пограничная комиссия, столкнувшись с такой позицией губернатора, прямо предложила Р. Бай Худайдатову и М. Мир-Мухаметеву принять православие и подданство Российской империи, что позволяло им остаться в России. Как нам представляется (тем не менее, однозначно утверждать этого нельзя из-за недостатка источников), чиновники пограничной комиссии не хотели выдавать беглых рабов, однако при этом были готовы нарушать закон только в том случае, если не было явно недовольных этим людей. В пользу этого говорит прежде всего то, что данные чиновники, как мы видели выше, по сути саботировали высочайшее повеление Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г. и обычно даже не поднимали вопроса о возможном возврате хозяевам тех иностранных беглых рабов, которые были куплены, а не захвачены, если только этого не требовали сами хозяева.

Наконец, наиболее сложна для анализа логика действий хозяев Р. Бай Худайдатов и М. Мир-Мухаметева. Изначально они явно рассчитывали хотя бы попытаться вернуть беглых рабов, видимо, надеясь на свои хорошие отношения с российскими властями. Однако складывается впечатление, что в целом хозяева рабов были готовы к тому, что невольников им не вернут. Во всяком случае,

в документах нет никакой информации о том, чтобы Я. Санамасов, хозяин М. Мир-Мухаметева, выражал недовольство из-за освобождения последнего после принятия им православия и российского подданства. М. Мамет Галиев, официальный хозяин Р. Бай Худайдатова, вообще в итоге согласился дать своему рабу вольную, что только и позволило последнему не остаться в России, а вернуться на родину к семье и ребенку-сыну. И это позволяет говорить о том, что половинчатую позицию российских чиновников в данных ситуациях нельзя связывать с по-настоящему существенным недовольством кочевых правителей существующей практикой освобождения российскими властями всех беглых рабов из Центральной Азии – и Я. Санамасов, и М. Мамет Галиев хотели вернуть своих рабов, но, судя по всему, были готовы к тому, что это им не удастся.

4.4. История Хасана Курбанова

Нам удалось обнаружить ещё два случая, когда П.К. Эссен не разрешил Оренбургской пограничной комиссии сразу освободить беглых рабов. К сожалению, дальнейших документов об их судьбе найти не удалось, а как минимум в одном случае беглому рабу, скорее всего, было предложено освобождение в случае перехода в православие и принятия российского подданства.

Но начнём мы с истории второго раба, в случае которого вероятность того, что он был возвращён хозяину, представляется нам максимальной. Хасан Курбанов выбежал в Верхнеозерную крепость летом 1827 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 113). Первоначально он дал достаточно стандартные для беглого раба показания: в них сообщалось, что Х. Курбанов – бухарец, девять лет назад его во время путешествия из города в город захватили «Киргизы», которые затем перепродали текущему хозяину, Даульбаю Янбаеву (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 113-113об.). Однако уже в Оренбургской пограничной комиссии бывший невольник несколько изменил показания, признав, что был «крестьянином Бухарского чиновника Ариф-Ходжи», который и продал его Д. Янбаеву (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 113об.-114). Более того, Х. Курбанов даже предположил сам, что версия о его насильственном похищении появилась из-за ошибки переводчика (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 114). В итоге он попросил отправить его в Бухару с караваном (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 114).

Для нас особенно интересно то, что в данном случае Оренбургская пограничная комиссия не считала дело спорным, требующим юридической справки или какого-либо экстраординарного решения губернатора. Она обратилась к П.К. Эссену со стандартным запросом: «Не благоугодно ли будет приказать означенного Бухарского подданного Хасана Курбанова отправить согласно его желанию чрез Троицкого коменданта в его отчизну Бухарию с караваном» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 114об.). При этом совершенно очевидно, что в соответствии с высочайшим повелением Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г. Х. Курбанова следовало вернуть хозяину, если он не примет православия и российского подданства, поскольку он изначально был рабом в Бухаре, не захваченным, а купленным кочевниками. Таким образом, мы в очередной раз видим, что нормальной практикой для Оренбургской пограничной комиссии было освобождать всех сбежавших в Россию рабов, даже если это противоречило текущему законодательству, если только хозяин раба не пытался вернуть его обратно.

Однако в данном случае категорически против освобождения Х. Курбанова выступил П.К. Эссен. 19 июля 1827 г. он лаконично предписал: «Поелику сей Азиатец показывает, что он был Крестьянин Бухарского чиновника, проданный им Киргизцу Даульбаю Янбаеву, то и следует Курбанова отправить к тому Султану-Правителю, в ведении которого Даульбай состоит для доставления его сему последнему по принадлежности» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 119-119об.). Хотя объяснения логики данного решения в документе нет, очевидно, что оно примерно соответствовало высочайшему повелению Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г., с которым в 1825 г., в рамках переписки по делам Р. Бай Худайдатова и М. Мир-Мухаметева, П.К. Эссена ознакомила Оренбургская пограничная комиссия. Но при этом П.К. Эссен не давал Х. Курбанову того легального способа выбраться из рабства, который был зафиксирован в высочайшем повелении от 23 августа 1798 г.: оренбургский губернатор не предлагал оставить беглого раба в России, если он примет православие и российское подданство.

4.5. История Яйлубая Сююнова

Вскоре, в сентябре 1827 г., на Новоилецкую линию выбежал Яйлубай Сююнов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 129). Как утверждал Я. Сююнов, он «известился, что Российский Государь Император выходящих в Россию бедных от злодеев Киргизов защищает» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 130). После этого, поскольку хозяин Я. Сююнова, Кундубай Имяскин, наносил своему невольнику «безпричинно тяжкие побои», последний решил бежать в Россию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 129об.-130). Стало быть, исходя из гуманистических и аболиционистских соображений, Я. Сююнова безусловно следовало освободить.

Проблема, однако, заключалась в том, что Я. Сююнов, подобно Х. Курбанову, которого совсем недавно запретил освобождать П.К. Эссен, не был захвачен в рабство, но родился рабом. Он был сыном человека, который «происходил из Персов» и «Киргизски» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 129об.). Иначе говоря, он, по-видимому, даже родился в степи, и поэтому просил не вернуть его в какое-либо иностранное государство, а отпустить обратно в степь, но «не возвращая к прежнему его

хозяину» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 130об.). Нам представляется вероятным, что в другое время Оренбургская пограничная комиссия, в соответствии с обычной практикой, предложила бы просто удовлетворить просьбу беглого невольника. Но после случая Х. Курбанова чиновники пограничной комиссии просто не решились самостоятельно определять судьбу рождённого в рабстве человека, искавшего в России свободы от жестокого хозяина, и обратились к П.К. Эссену за указаниями, подготовив для него очередную подробную юридическую справку (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 129-136об.).

Эта справка интересна для нас ещё и тем, что для неё чиновники Оренбургской пограничной комиссии наконец нашли пресловутый указ Коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г. Как мы дважды упоминали выше, в 1813 г. пограничная комиссия утверждала, будто бы именно этим указом регламентируется возврат на родину иностранных рабов, бежавших в Россию из Центральной Азии, и дословно в нём есть такая фраза: «Выбегающих от Киргизцов персиян, хивинцов, трухменцов и других им подобных народов, исключительно тех, кои пожелают креститься, отпускать в их отечество чрез Астрахань». Однако в приводимом теперь более полном отрывке из этого указа соответствующая фраза выглядела так: «Выбегающих от Киргиз-Кайсак Пурсиан, Хивинцов, Трухменцов и других им подобных народов, также Крымцов и Кубанцов для лучшего Киргиз-Кайсацкого народа приласкания надлежит к ним отдавать возвратно» (далее дозволялось делать исключение только для тех беглых рабов из знатных родов, освобождение которых «Туречкому и Перситскому Двору добрым знаком службы быть может») (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 130об.-131). Более того, обнаружился ещё и указ Коллегии иностранных дел от 31 декабря 1758 г., которым разрешалось все же оставить в России крестившихся иностранных беглых рабов, уже принятых в пограничных крепостях, но при этом чётко предписывалось отказывавшихся креститься «отдать обратно им, Киргиз-Кайсакам (т. е. хозяевам – Прим. А.П.), хотя б о котором из них и требования от них еще не было», а в дальнейшем вообще «таковых (беглых рабов – Прим. А.П.), не допуская до крепостей, прочь отпускать» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 132об.-133).

И благодаря этому мы можем окончательно убедиться в том, что до высочайшего повеления Екатерины II И.В. Якоби от 19 октября 1781 г. российские законы почти запрещали помощь иностранным рабам, выбегающим из Центральной Азии. Соответствующее законодательство было создано Коллегией иностранных дел во время правления Елизаветы Петровны, и в нём было прямое указание на то, что политика в отношении подобных рабов определяется не гуманистическими или аболиционистскими, но чисто прагматическими соображениями, желанием «приласкания» кочевников-хозяев этих рабов. При этом если первоначально предписывалось выдавать иностранным беглых рабов хозяевам, то затем последовало распоряжение вообще не пускать их в российские крепости.

Помимо указов Коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г. и 31 декабря 1758 г., Оренбургская пограничная комиссия в своей юридической справке приводила отрывки из уже известных нам высочайших повелений от Екатерины II уфимскому и симбирскому генерал-губернатору И.В. Якоби (19 октября 1781 г.) и от Павла I оренбургскому военному губернатору О.И. Игельstromу (23 августа 1798 г.) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 133-135). Но на этот раз она обращала внимание также на высочайший указ от 23 мая 1808 г. и указ Правительствующего сената от 30 апреля 1819 г., согласно которым российским подданным *разрешалось* покупать представителей кочевых азиатских народов (дословно «Калмыков и других Азиатцов»), но исключительно *детей*, и с условием, что они будут освобождены по достижении 25 лет (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 136). На наш взгляд, последнее законоположение, на самом деле не имеющее никакого отношения к иностранным рабам, бежавшим в Россию из Центральной Азии, но регламентирующее статус легально купленных оттуда рабов, приводилось Оренбургской пограничной комиссией исключительно для того, чтобы хоть как-то обосновать освобождение Я. Сююнова, которому было 29 лет (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 129об.). Таким образом, чиновники пограничной комиссии, как и в случаях Р. Бай Худайдатова и М. Мир-Мухаметева, скорее всего, пытались найти такой выход из ситуации, в рамках которого беглый раб не был бы возвращён хозяину, но при этом законы Российской империи формально не были бы нарушены. Но в этот раз стороной, потенциально способной потребовать возвращения беглеца в рабство, был не его бывший хозяин, а оренбургский военный губернатор.

И действительно, П.К. Эссен, принимая окончательное решение, снова полностью проигнорировал гуманистическую сторону вопроса, сосредоточившись исключительно на формально-юридической. Найденное Оренбургской пограничной комиссией обоснование для освобождения Я. Сююнова он не использовал, приказав руководствоваться в отношении беглого раба исключительно «указом 1798 года» (т. е. высочайшим повелением Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г.) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 139об.). Более того, данный «указ» П.К. Эссен интерпретировал совершенно однозначно – и в соответствии именно с той линией поведения, которую он предписал в отношении Х. Курбанова: «Указом 23 Августа 1798 года повелено Персиян и других Азиатцев, покупаемых Киргизцами и выбегающих на границу нашу, возвращать оным» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3159. Л. 139). Следовательно, если для чиновников Оренбургской пограничной комиссии предпочтительной практикой при исполнении высочайшего повеления Павла

И О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г. было принятие беглыми рабами православия и подданства России, что позволяло освободить их, то П.К. Эссен считал, что этот указ нужно трактовать в прямом смысле, и он предписывает в качестве предпочтительной практики возвращение хозяевам тех иностранных беглых рабов, которые были куплены ими, а не захвачены.

И именно поэтому мы не можем даже предположить, как сложилась дальнейшая судьба Я. Сююнова. Отказ П.К. Эссена предоставить ему свободу ещё не был окончательным, и, в соответствии с существующей практикой исполнения высочайшего повеления Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г., чиновники Оренбургской пограничной комиссии почти наверняка предложили этому невольнику принять православие и российское подданство, чтобы получить свободу – но без соответствующих документов мы не знаем, как он отреагировал на это предложение.

5. Заключение

Нам осталось чётко зафиксировать те факты, связанные с иностранными рабами, бежавшими в пределы Российской империи из Центральной Азии, которые мы выявили в данной статье. Эти факты можно свести к следующему:

1) В первой половине XIX в. последним и наиболее актуальным законоположением, посвящённым иностранным рабам, бежавшим в пределы Российской империи из Центральной Азии, было высочайшее повеление Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г., предписывающее давать свободу с возможностью вернуться на родину только иностранным рабам, которые были *захвачены* своими хозяевами. Тех же иностранных рабов, которых их хозяева *купили*, предписывалось возвращать этим хозяевам. Единственной прописанной в законе возможностью избежать этого было принятие православия и российского подданства, однако в этом случае беглый раб лишался шанса вернуться на родину.

2) Между тем реально российские чиновники в первой половине XIX в. руководствовались не данным законоположением, а сложившейся практикой, которая была куда гуманнее к беглым рабам. В рамках этой практики обычно все иностранные рабы, бежавшие в пределы Российской империи из Центральной Азии, освобождались и получали право вернуться на родину. Это было возможно потому, что, как правило, даже купившие рабов кочевники не пытались вернуть их из России, что позволяло игнорировать высочайшее повеление Павла I О.И. Игельstromу.

3) Судя по всему, первоначально вся эта юридическая коллизия была следствием *ошибки*. В 1813 г. Оренбургская пограничная комиссия утверждала, будто бы статус иностранных рабов, бежавших в Россию из Центральной Азии, определяется указом Коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г., в котором якобы было сказано: «Выбегающих от Киргизцов персиян, хивинцов, тухменцов и других им подобных народов, исключительно тех, кои пожелают креститься, отпускать в их отечество чрез Астрахань». Таким образом, российские чиновники на 1813 г. были уверены, что законы предписывают освобождать интересующую нас категорию рабов и давать им возможность вернуться на родину.

4) Однако во второй половине 1820-х гг. Оренбургская пограничная комиссия проанализировала действующее законодательство и обнаружила, что:

а) В действительности указ Коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г. гласил: «Выбегающих от Киргиз-Кайсак Пурсиан, Хивинцов, Тухменцов и других им подобных народов, также Крымцов и Кубанцов для лучшего Киргиз-Кайсацкого народа приласкания надлежит к ним отдавать возвратно». А указ Коллегии иностранных дел от 31 декабря 1758 г. вообще запрещал принимать иностранных беглых рабов в российских крепостях.

б) Высочайшее повеление Екатерины II И.В. Якоби от 19 октября 1781 г. отменило подобную практику, однозначно предписав освобождать всех бежавших в Россию из Центральной Азии иностранных беглых рабов и предоставлять им возможность вернуться на родину. При этом важнейшей причиной для такого решения объявлялось «человеколюбие».

в) Высочайшее повеление Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г. скорректировало законодательство так, как описано в пункте 1.

5) Невозможно однозначно объяснить причины ошибки, по которой в 1813 г. чиновники Оренбургской пограничной комиссии неверно прочитали указ Коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что и после знакомства с высочайшим повелением Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г. Оренбургская пограничная комиссия продолжала в большинстве случаев освобождать всех иностранных рабов, бежавших в Россию из Центральной Азии, т. е. данное законоположение игнорировалось уже не по *ошибке*, а *сознательно*. Нам представляется как минимум вероятным, что это происходило из-за негативного отношения российских чиновников к центральноазиатскому рабству и нежелания выступать де-факто его пособниками, возвращая беглых рабов хозяевам. И неверное прочтение указа Коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г. может объясняться «вчитыванием» в старинный документ не знающими палеографии чиновниками того смысла, который казался им наиболее вероятным.

6) Отступления от обычной практики освобождения всех иностранных рабов, бежавших из Центральной Азии в Россию, с предоставлением им права вернуться на родину выявлены нами в двух

типах случаев. В первом случае хозяевами рабов были влиятельные и лояльные России кочевники, просившие вернуть им беглых «слуг». Во втором случае из показаний раба однозначно следовало, что он не был захвачен ни текущим хозяином, ни одним из предыдущих, но родился рабом.

7) Наиболее жёсткую прорабовладельческую позицию в этих случаях занимал оренбургский военный губернатор П.К. Эссен. Руководствуясь формально-юридическими, а не гуманистическими или аболиционистскими соображениями, он требовал обращаться с рабами в соответствии с высочайшим повелением Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г., причём трактовал его так: «Указом 23 Августа 1798 года повелено Персиян и других Азиатцев, покупаемых Киргизцами и выбегающих на границу нашу, возвращать оным».

8) Оренбургская пограничная комиссия в спорных случаях пыталась найти способ не выдать беглого раба обратно к хозяину, формально оставшись в рамках российского правового поля. Так, в случае с рабами, которых требовали вернуть влиятельные и лояльные России кочевники, после отказа П.К. Эссена освободить их сразу, комиссия предложила им принять православие и российское подданство, чтобы строго в рамках высочайшего повеления Павла I О.И. Игельstromу от 23 августа 1798 г. освободить их на этом основании. В случае с людьми, родившимися рабами, Оренбургская пограничная комиссия занимала более дифференцированную позицию. Впервые столкнувшись с подобным беглым невольником, члены комиссии попытались поступить с ним на общих основаниях и освободить с возвращением на родину. После того, как П.К. Эссен приказал вернуть этого раба хозяину, Оренбургская пограничная комиссия нашла в российском законодательстве повод освободить следующего подобного раба, пускай и сомнительный: этому рабу было 29 лет, а легально купленных из Центральной Азии рабов российские законы разрешали держать в рабстве только до 25 лет. Впрочем, губернатор этим поводом не воспользовался.

9) Наконец, как раз в тех двух случаях, когда хозяева беглых рабов обратились к российским властям с требованием вернуть их, мы точно знаем, что это требование выполнено не было. Однако каких-либо негативных действий со стороны бывших хозяев не последовало: более того, в одном случае бывший хозяин согласился добровольно дать беглому рабу вольную, благодаря чему тот смог, освободившись, остаться в мусульманской вере и вернуться на родину.

Литература

Возгрин, 2011 – Возгрин В.Е. Рабство в странах Черного моря (Позднее Средневековье – Новое время) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2011. Вып. 3. С. 90-100.

Гинзбург, 2004 – Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / *Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история*. М., 2004. 345 с.

Исмаилова, 1973 – Исмаилова С.К. Документы о рабстве в Бухарском ханстве в XIX – начале XX в. // *Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук*. 1973. № 2 (72). С. 20-30.

ОГАОО – Объединённый государственный архив Оренбургской области.

Почекаев, 2019 – Почекаев Р.Ю. Участники российских морских экспедиций о международно-правовом положении кочевников Восточного Прикаспия в XVIII–XIX вв. // *Новое прошлое*. 2019. № 4. С. 132-145.

Рустемов, 2022 – Рустемов О.Д. Права рабов и условия их освобождения в Крымском ханстве // *Золотоордынское обозрение*. 2022. Т. 10. № 3. С. 715-727.

Севастьянов, 1999 – Севастьянов С.Н. Иван Васильевич Подуров. Историко-биографический очерк // *Гостиный двор: Литературно-художественный и общественно-политический альманах*. Оренбург, 1999. С. 190-205.

Созина, 2016 – Созина Е.К. Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века // *Уральский исторический вестник*. 2016. № 1 (50). С. 6-15.

Султангалиева, 2023 – Султангалиева Г.С. Татарские муллы и письмоводители в Казахской степи (XVIII – первая половина XIX в.). Казань, 2023. 300 с.

Ermachkov, 2021 – Ermachkov I.A. Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839 // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1). Pp. 26-34.

Galimov et al., 2017 – Galimov Y.A., Ksenzshik G.N., Atygayev N.A., Tuleshova U.Z. Sultan-rulers as Officials of Russian Empire (1824–1868) // *Bylye Gody*. 2017. 44(2) Pp. 468-477.

Peretyatko, 2024 – Peretyatko A.Yu. Foreign Fugitive Slaves from Central Asia Who Were Coming into the Borders of the Russian Empire in the first half of the 19th century: to the Statement of the Problem // *Bylye Gody*. 2024. 19(4): 1586-1597.

Tadjieva, 2023 – Tadjieva F.J. Slavery in the Khiva Khanate: the Use of Slave Power. Abolition of Slavery and Its Socio-Economic Consequences // *Slavery: Theory and Practice*. 2023. 8(1): 53-62.

Tojjeva, 2020 – Tojjeva F. Slavery relations and its sources in Khiva khanate // *Journal of Critical Reviews*. 2020. 7(12). Pp. 211-214.

References

- Ermachkov, 2021** – Ermachkov, I.A. (2021). Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839. *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 26-34.
- Galimov et al., 2017** – Galimov, Y.A., Ksenzshik, G.N., Atygayev, N.A., Tuleshova, U.Z. (2017). Sultan-rulers as Officials of Russian Empire (1824–1868). *Bylye Gody*. 44(2): 468-477.
- Ginzburg, 2004** – Ginzburg, K. (2004). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: Two or Three Things That I Know about It]. Mify-emblemy-primety: Morfologiya i istoriya, M., 345 p. [in Russian]
- Ismailova, 1973** – Ismailova, S.K. (1973). Dokumenty o rabstve v Bukharskom khanstve v XIX – nachale XX v. [Documents about slavery in the Khanate of Bukhara in the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Akademii nauk Tadzhikskoi SSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk*. 2(72): 20-30. [in Russian]
- OGAoo** – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint State Archive of Orenburg Region].
- Peretyatko, 2024** – Peretyatko, A.Yu. (2024). Foreign Fugitive Slaves from Central Asia Who Were Coming into the Borders of the Russian Empire in the first half of the 19th century: to the Statement of the Problem. *Bylye Gody*. 19(4): 1586-1597.
- Pochekaev, 2019** – Pochekaev, R.Yu. (2019). Uchastniki rossiiskikh morskikh ekspeditsii o mezhdunarodno-pravovom polozenii kochevnikov Vostochnogo Prikaspiya v XVIII–XIX vv. [Participants of Russian naval expeditions on the international legal status of Turkmen people of the East Caspian region in 18th–19th centuries]. *Novoe proshloe*. 4: 132-145. [in Russian]
- Rustemov, 2022** – Rustemov, O.D. (2022). Prava rabov i usloviya ikh osvobozhdeniya v Krymskom khanstve [The rights of slaves in the Crimean Khanate and the conditions for their emancipation]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 10(3): 715-727. [in Russian]
- Sevast'yanov, 1999** – Sevast'yanov, S.N. (1999). Ivan Vasil'evich Podurov. Istoriko-biograficheskii ocherk [Ivan Vasil'evich Podurov. A historical and biographical sketch]. Gostinyi dvor: Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii al'manakh. Orenburg. Pp. 190-205. [in Russian]
- Sozina, 2016** – Sozina, E.K. (2016). Diskurs «stepnykh plennikov» v russkoi literature XIX veka [“Steppe captives” discourse in Russian literature of 19th century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 1(50): 6-15. [in Russian]
- Sultangalieva, 2023** – Sultangalieva, G.S. (2023). Tatarskie mully i pis'movoditeli v Kazakhskoi stepi (XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Tatar mullahs and clerical workers in the Kazakh Steppe (18th – first half of the 19th centuries)]. Kazan, 300 p. [in Russian]
- Tadjieva, 2023** – Tadjieva, F.J. (2023). Slavery in the Khiva Khanate: the Use of Slave Power. Abolition of Slavery and Its Socio-Economic Consequences. *Slavery: Theory and Practice*. 8(1): 53-62.
- Tojjeva, 2020** – Tojjeva, F. (2020). Slavery relations and its sources in Khiva khanate. *Journal of Critical Reviews*. 7(12): 211-214.
- Vozgrin, 2011** – Vozgrin, V.E. (2011) Rabstvo v stranakh Chernogo morya (Pozdnee Srednevekov'e-Novoe vremya) [Slavery in the countries of the Black Sea Region (from the late Middle Ages till the early Modern Era)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Istoriya*. 3: 90-100. [in Russian]

Противоречия между российским имперским законодательством и реальными практиками оренбургских властей по вопросу о возврате беглых рабов их хозяевам-кочевникам в 1820-е гг.

Артём Юрьевич Перетятко ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В первой половине XIX в. в оренбургском пограничье сложилась специфическая практика, в рамках которой бежавшие в Российскую империю иностранные рабы (мы используем этот термин для обозначения рабов, не имевших подданства Российской империи) подлежали безусловному освобождению с предоставлением выбора: вернуться на родину или принять российское подданство. Однако в архивных материалах Объединённого государственного архива Оренбургской области (ОГАОО) нам удалось выявить несколько отступлений от этой практики. На основе микроисторического анализа этих случаев мы попытаемся реконструировать логику российских чиновников, что позволит уяснить некоторые нюансы отношения их к центральноазиатскому рабству и повседневности оренбургского пограничья.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)

В двух хронологически самых ранних случаях вернуть им беглых рабов просили влиятельные и лояльные России кочевые правители. В этой связи Оренбургская пограничная комиссия проанализировала имперское законодательство и обнаружила, что оно предусматривает безусловное освобождение только тех иностранных беглых рабов, которые были своими хозяевами захвачены. Беглые иностранные рабы, купленные хозяевами, должны были быть возвращены им, если не примут православие и российское подданство. Позднее на этом основании не были освобождены два других раба, купленных своими хозяевами.

Более того, оказалось, что законодательный акт, на который изначально ссылались оренбургские власти, освобождая рабов (указ Коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г.), не только устарел, но и содержит обратное указание – возвращать беглых иностранных рабов хозяевам. При этом нет оснований подозревать здесь осознанную фальсификацию. Судя по всему, к 1820-м гг. центральноазиатское рабство в глазах оренбургских чиновников было стигматизировано, и они не считали, что Россия могла выступать его пособником. Об этом говорит и то, что Оренбургская пограничная комиссия в итоге освободила двух рабов из тех, о которых мы писали выше (одного на основании принятия христианства и российского подданства, другого – на основании его освобождения хозяином). Судьба ещё двоих нами не установлена, но Оренбургская пограничная комиссия выступала скорее за их освобождение. Единственным российским чиновником, занявшим чёткую позицию опоры на закон, если даже это противоречило аболиционистским ценностям, был обладавший, однако, решающим влиянием оренбургский военный губернатор П.К. Эссен.

Ключевые слова: рабство, законодательство о рабстве, Российская империя, Центральная Азия, юридические противоречия, П.К. Эссен.